

ДИСКУССИИ

УДК 398(=161.1)

А. М. Шаронов, Е. А. Шаронова

ФИННО-УГОРСКИЕ КОНТЕКСТЫ РУССКИХ БЫЛИН

В статье на основании былинного материала развивается дискуссия об этническом статусе русского народа и его государства, что отчасти выражают две основные концепции в отечественной историографии: норманской и антинорманской. Былинный эпос, воспроизводящий этнические, исторические и государственные воззрения этноса на стадии его возникновения и становления, при решении данного вопроса в достаточной степени не привлекался или рассматривался односторонне и со славянофильским или норманистским уклоном. В статье в указанном ракурсе анализируются былинные сюжеты, персонажи и идеи с привлечением финно-балтского и угорского контекстов, ибо финны и балты, как о том свидетельствует «Повесть временных лет», участвовали в призывании на княжение Рюрика, Синеуса и Трувора, с вокняжением которых принято обозначать начало русской государственности. География былинных сюжетов и персонажей указывает на Новгородское княжество, земли Чуди, Корелы, Веси, Мери, Словен, кривичей, – на Русский Север как место сложения героической эпической поэзии. Героическая поэзия формируется в этногенетическом ядре народности, там, где происходят идейные и социальные процессы, связанные с образованием её государственности.

Сознание русского человека до сих пор ищет ответа на вопросы: кто Он? Откуда? В чём его предназначение? Кто его предки? Примечательно, что их актуальность по сравнению с XII в. (временем создания «Повести временных лет») не уменьшилась, а возросла. Отсюда постоянное присутствие в русской литературе исторического жанра, тоже пытающегося решить обозначенные проблемы.

В настоящем исследовании проблема: «...откуда пошла и есть Руская земля...» – рассматривается с привлечением былин, имеющих собственную концепцию истории Руси.

Ключевые слова: былина, эпос, героический эпос, сюжет, Русь, Чудь, Весь, Меря, Словене, Кривичи, Новгородское княжество, Белинский, Гильфердинг, Миллер, Ключевский, Пропп, Путилов.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-356-367

Участие балтов, финнов, народов греко-римского мира в образовании Древнерусского государства стало причиной возникновения двух основных гипотез по вопросу о том, «откуда пошла Русская земля». Согласно одной из них – Русь берёт начало в Новгороде, согласно другой – в Киеве. Если исходить из «Повести временных лет», русская государственность возникла на Новгородской земле с призыванием Рюрика в 862 г. Рюриковичи руководили страной до кон. XVI в. Этот факт снимает вопрос о существовании равноценного Новгороду очага русской цивилизации на юге – как такого социально-политического центра, от которого образовалась вся остальная Русь: Новгородская, Владимиро-Суздальская, Московская, Рязанская, Нижегородская и далее. «Повесть временных лет» сообщает, что в 882 г. князь Олег с многоплеменным войском захватил Киев (по данным арабских, еврейских письменных источников и Константина Багрянородного – Ки-аву) и, назвав его «матерью городов русских», сделал вторым

политическим центром объединённых княжеств. Из Новгорода Русь пришла в лице князя, его администрации и дружины, что подтверждается полюдем: русь на зимние месяцы уходила из Киева на «кормление» в деревни и малые города. Если бы она представляла все население Киевского княжества, полюдь было бы невозможно. Русь в Киевском княжестве имела не этнический, а политический статус. Этническим и цивилизационным центром Древней Руси был Новгород. На Новгородской земле сложилась русская народность с её этногенетической природой, языком, культурой, менталитетом, особенностями социально-бытового мироустройства [см. об этом: Шаронов, Шаронова 2018, № 2 (5), 52–62].

Представление о наличии двух цивилизационных очагов русской народности (на севере и юге) сказалось и во взгляде на былины, которые подразделяются на «киевские» и «новгородские». Предполагается: киевский цикл сложился на Киевщине; новгородский – на Новгородчине. Причиной для выделения «киевского» цикла стало упоминание в ряде былин о князе Владимире Святославиче и о городе Киеве.

В ракурсе воззрений на историю России в пер. пол. XIX в. рассмотрел былины В. Г. Белинский, сделав акцент на новгородских сюжетах о Садко и Василии Буслаеве. Перед былинами об этих героях «бледна вся остальная сказочная поэзия русская»; в них виден мир, «служивший источником форм и самого духа русской жизни, а следовательно, и русской поэзии». В. Г. Белинский считал Новгород прототипом «русской цивилизации» [Белинский 1954, 401]. Он признавал существование южной (Малороссии, Червонной Руси, Киево-Черниговской) и северной Руси, полагая, что у южной Руси мало общего с северной Русью. Тип общественного быта северной Руси возник и развился в Новгороде, что доказывается былинами, упоминающими имя князя Владимира. В них нет ничего, что «свойственно южнорусской поэзии, в них всё новгородское», «они действительно сложены в Новгороде» [Белинский 1954, 406–407]. В. Г. Белинский совершенно определённо говорит о рождении былин киевского цикла на Новгородской земле.

Эпико-героическая поэзия не возникает на периферии национальной жизни, она складывается в этническом ядре, где аккумулируются социально-политические идеи. «Только в Новгороде, где, вследствие торговли и ее плода – всеобщего богатства и довольства – жизнь раскинулась пошире, поразмашистее, а дух предприимчивости, удалства и отваги, свойственный русскому племени, нашел себе более свободную сферу, – только в Новгороде народная поэзия могла проявиться более яркими проблесками» [Белинский 1954, 426]. По В. Г. Белинскому, новгородский знак лежит на всем русском быте, на всей русской народной поэзии, даже великий князь киевский Владимир и богатыри его говорят и действуют, пируют «как-то по-новгородски и как будто по-купчески» [Белинский 1954, 426].

Проанализировав воззрения историков пер. пол. XIX в. о начале Руси, В. Г. Белинский пришёл к заключению, что «колыбелью настоящей, коренной Руси были Новгород, Владимир, Рязань, Москва и Тверь» [Белинский 1954, 440]. Выдающийся мыслитель смотрел на Русь как на такую этноисторическую и духовно-культурную субстанцию, которая не связана происхождением с нерусским миром. По его мнению, поэтическая мифология Новгорода «в тысячу раз лучше религиозной славянской мифологии с ее семью дрянными богами!» [Белинский 1954, 401]. Он в русском человеке видит поэта, а главной особенностью его поэзии считает музыкальность, которой подчинено все [Белинский 1954, 427–428].

Русское миропонимание и русская ментальность наиболее полно выражены в былинах, по месту сложения которых можно определить и место возникновения русской народности. Былины в основной своей массе записаны в Архангельской и Вологодской губерниях, на верхней Волге, в Карелии, на Печоре, где проживали Весь, Меря, Коми, Корела, где находилось Белоозеро – древнейший культурный и политический центр Веси-Руси IX–XII вв. Следовательно, здесь возникли русская народность и её государство.

В былинах В. Г. Белинский видел Русь исполненной избытком исполинских физических сил, жаждущей принять в себя великий дух и способной, и достойной заключить его в себе [Белинский 1954, 427]. На этом основании он предвидел её великое будущее, реализовавшееся в XX в.

В. Г. Белинский полагал, что «богатырские сказки о Владимире Красном солнышке» являются «воспоминанием новгородца о своей прежней родине» [Белинский 1954, 407]. Фольклористика XX в. установила, что эпические сюжеты воспроизводят актуальные идеи времени их появления, олицетворённые в персонажах и событиях. В повествования о минувшем времени они превращаются в восприятии последующих поколений. В. Я. Пропп пишет, что эпос живёт не воспоминаниями о прошлом, а тем, что «отражает идеалы, которые лежат в будущем. Он отражает не события той или иной эпохи, а ее стремления» [Пропп 2006, 64]. Аналогичного взгляда придерживался Б. Н. Путилов, считавший, что «героический эпос не воспроизводит реального хода истории, а конструирует свою историю, со своей логикой, своими законами и своими событиями» [Путилов 1986, 18].

Поэзия былин как поэзия этноисторических произведений возникла и бытовала там, где народ генерировал её идеи; в их основе лежит его созидательный дух, стремление при помощи коллективного разума решить стоящие перед ним проблемы и сформировать удовлетворяющий его социум, вылепить героев, соответствующих этническому эстетическому идеалу.

Былины как жанр возникли в IX–X вв. и бытовали в среде собственно русского населения (Новгородская, Архангельская, Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская, Рязанская, Владимиро-Суздальская, Московская, Карельская, Средневожские и пр. русские земли). На Балканах и Карпатах они не известны, их не знают на Украине и в Белоруссии, так как у украинцев и белорусов, сформировавшихся из руссов, финнов и балтов после исчезновения Киевского княжества и исхода века богатырей, отсутствует русское государственно-политическое и эпическое сознание.

Отсутствие былинного жанра и в целом русского фольклора в Поднепровье, на Киевской земле опровергает предположения о происхождении здесь Руси, указывая на Балтийское и Белое моря, на Волгу, Оку, Волхов, Ильмень озеро, на центральные и северо-западные русские земли как на место её возникновения. Именно из этих мест она пришла в Киев, просидела в нём 2,5 столетия и ушла обратно, не оказав, по возвращении, существенного влияния на исконную русскую цивилизацию и культуру. Сложение и бытование былин в Северной, Северо-Западной и Центральной Руси указывает на то, что именно здесь сформировалась древнерусская народность с её национально-государственным и художественно-эстетическим сознанием. Возникновение былинных сюжетов обусловлено этническими и социальными явлениями, которые происходили на Новгородской земле до и после призвания князя Рюрика с его братьями, так как в это время формировалась Русь как этническое и государственное образование. Появление в былинах образа Киева как эпического города объясняется его завоеванием Олегом и объявлением «матерью городов русских», что привлекло к нему народное внимание, и он стал объектом художественно-эстетической идеализации.

Объяснение В. О. Ключевским отсутствия былин в Поднепровье тем, что их, якобы, унесли с собой переселенцы из пределов Киева на русский север, бездоказательно, ибо не очевиден сам факт миграции киевлян на Волхов, Волгу и Оку. Историк задаётся вопросом, как могло произойти так, что былинный эпос «расцвел там, где не был посеян, и пропал там, где вырос?», и отвечает, что на далёкий Север он пришёл вместе с тем населением, которое сложило и запело былины: «Это перенесение совершилось ещё до XIV в., т.е. до появления на юге России литвы и ляхов, потому что в древнейших богатырских былинах ещё нет и помина об этих позднейших врагах Руси» [Ключевский 1994, 257]. Суждение спорное. Даже если допустить переселение жителей из пределов Киева в пределы Северной Руси, надо будет признать, что могла переселиться (по имущественным, физическим, демографическим, военным и др. причинам) небольшая часть населения, а большинство его осталось, и оно сохранило бы былинный эпос, если бы его сложило. К тому же, как пишет В. О. Ключевский, в XV в. из Польши и с Карпат на Днепр вернулось русское население, которое ушло оттуда в XII–XIII вв. То есть вернулись потомки тех русских, предки которых, по его словам, сложили былины. Почему же они их не сохранили? Ответ один: потому что жители Поднепровья их не создавали, ибо Киев не был колыбелью русской цивилизации. Былинная традиция сложилась на Новгородской земле, её население «посеяло» и «вырастило» былины.

В былинах нет упоминания о Литве, «об этих позднейших врагах Руси», ввиду того, что эсты, литовцы и латыши являлись составной частью Новгородского княжества, были создателями Руси, считались в VIII–XI вв. русскими и «врагами» Руси никогда не были. Русские княжества враждовали друг с другом намного ожесточенней, чем с «врагами Руси» В. О. Ключевского.

Эсты, литовцы и латыши имеют героические эпосы («Лачплесис», «Калевипоэг») [см. об этом: Шагонова 2016; Шаронова, Ингл 2017; Шаронов 2018], так как пережили эпохи военной демократии и раннеклассовых отношений, наряду с финнами участвовали в рождении русской народности и русской государственности, а в позднейшие века активно боролись за создание своих этнических государств, когда Русь начала «ославяниваться» в сочинениях историков и в прожектах политиков.

Если бы украинцы и белорусы пережили социально-политические процессы, характерные для героического века, они, может быть, тоже сложили бы героические эпические песни.

Тексты былин записаны на территории финнов и балтов, за пределами их проживания они не зафиксированы или зафиксированы как вторичные явления, занесённые со стороны пилигримами.

На происхождение былин не в Киеве и не в Поднепровье указывает место рождения богатырей. Если бы они были сложены на Киевщине, вряд ли Илья родился бы в Муроме, Добрыня – в Рязани, Алеша – в Ростове, Дюк – в Галиче и т.д.

Попытки найти истоки Русской земли там, где нет былин и их богатырей, песен, сказок, обычаев и традиций, – бесплодное занятие, а не признавать, что она пошла оттуда и есть там, где есть русский народ с его былинами, песнями, сказками, обычаями и традициями, есть занятие не совсем корректное по отношению к нему.

В былинах с наибольшей полнотой выразился поэтический гений русского человека. Он в них предстаёт как монументальная личность – гениальный поэт и философ, воин и государственный, способный решить задачи любой сложности. Мы видим не только богатыря, совершающего подвиги, но и народ, сотворивший его, наделивший качествами, свойственными ему самому.

Не подлежит сомнению то, что в былинах отразились творческие способности, интеллект, образ жизни и мышления певцов и сказителей, выступавших в роли поэтов, а не пересказчиков известных текстов. При каждом новом исполнении былина рождалась заново. Поскольку большая часть былин записана на русском Северо-Западе, постольку место их активного бытования следует считать и местом их создания. Т. Рябинин, И. Елустафьев, И. Рябини-Андреев, И. Федосова, М. Кривополенова, М. Крюкова и др. известные сказители в другом месте и в другой социальной среде свои гениальные поэтические творения создать не смогли бы из-за отсутствия условий, необходимых для формирования государственно-исторического сознания, русского мышления, могучего человеческого духа и слушателей, которым были бы не понятны и не интересны.

В. Г. Белинский и В. О. Ключевский, будучи уроженцами Пензенского края, придерживались противоположных взглядов на русское мироустройство. Для В. Г. Белинского колыбелью коренной Руси были Новгород, Владимир, Рязань, Москва, Тверь; для В. О. Ключевского – Киев. В. Г. Белинский для обоснования своей точки зрения привлёк былин, имеющие чисто русский «штемпель». В. О. Ключевский поэтику и эстетику былинной поэзии не брал во внимание, вследствие чего его выводы и суждения не подкреплены народным мировидением.

Выдающийся вклад в исследование былин внёс В. Я. Пропп. Он высказал мысль, что некогда «эпос был распространён повсеместно. Не было такого русского уголка, где бы не знали и не пели русских былин» [Пропп 2006, 514–515]. Для него является фактом то обстоятельство, что во II пол. XIX в., когда началось систематическое записывание былин, они оказались сохранившимися главным образом на Севере. Гораздо меньше их зафиксировано и собрано в Сибири, в Среднем и Нижнем Поволжье, среди казачьего населения на Дону, Тереке и Урале. Единичные записи произведены в районах, примыкающих к Москве, Туле, Калуге, Орлу, Смоленску, Новгороду, Ленинграду и т.д. [Пропп 2006, 515]. По В. Я. Проппу, факт сохранения

эпоса на Севере, «не может решаться вне связи с вопросом о том, почему он исчез в центральных областях и на Юге» [Пропп 2006, 515].

Н. Г. Чернышевский полагал, что расцвет народной поэзии обуславливался «энергией народной жизни» и только там являлась она, «где масса народа волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события» [Чернышевский 1949, 295]. Аналогичную мысль высказал А. М. Горький, согласно которому только «при условии сплошного мышления всего народа возможно создать столь широкие обобщения, гениальные символы, каковы Прометей, Сатана, Святогор, Илья, Микула и сотни других гигантских обобщений жизненного опыта народа» [Горький 1953, 49].

Героический эпос формируется с возникновением народности и его государственности. Он появляется на тех территориях, где проживает население, способное создать уникальную цивилизацию и культуру. Миросозерцание нового этноса и его художественно-интеллектуальный образ он выражает в своих сюжетах и персонажах. По этой причине эпос в целом не может мигрировать, «бродяжничать». С отдельными людьми возможно перенесение с одного места на другое только отдельных песен. То есть новгородские былины не могли перекечевать на киевскую землю, а киевские фольклорные произведения – на новгородскую землю. Для последнего нет необходимых этнокультурных предпосылок. Нельзя предположить и возможности трансплантации героического эпоса, которая допустима в мире авторского творчества, но невозможна в фольклоре. Для усвоения эпоса неродной для него этнокультурной стихией недостаточно простого настойчивого исполнения. Он все равно «не приживется», поскольку фольклорный текст мыслит иначе, чем авторский. Он в абсолютной мере жизнеспособен (т.е. полноценно функционирует, живет в естественной для себя этнокультурной среде, а не является только национальным «сувениром», утратившим истинное назначение предметом) и открыт для восприятия только тогда, когда пребывает в актуальном для себя контексте – пространственно-географическом, языковом, этническом, культурном, ментальном, историческом. Покидая актуальный контекст и оказываясь в инородном для себя мире, героический эпос превращается в «опознавательный знак» народа, которым создан, и уподобляется русским лаптям, вдруг оказавшимся в якутской юрте: как бы долго они в ней ни находились, использоваться по назначению не будут. Утрачивая в таких обстоятельствах естественность бытования, но стремясь сохраниться, эпос самокодируется и перестает быть доступным чужому миру.

Нельзя согласиться с утверждением, что на распространенность эпоса влияли социально-экономические причины (эксплуатация населения, уровень его благосостояния) или «свобода и глушь», как полагал А.Ф. Гильфердинг, будто бы обеспечившие сохранение эпоса на Севере [Онежские былины 1949, 34]. Носителями эпического сознания являлись необыкновенно талантливые и умные люди с обширным национально-историческим кругозором, обладавшие панорамным видением русской земли и русской истории, интуитивным пониманием глубинных процессов развития русского этноса. Они выражали то, чем были наполнены дух и разум народа, его чаяния и ожидания. В. Я. Пропп говорил о существовании на Севере большого количества людей с выдающейся поэтической одаренностью, многие из которых в иных условиях могли бы стать замечательными поэтами [Пропп 2006, 524]. Этот взгляд опровергает точку зрения В. Ф. Миллера, считавшего, что народные массы не могли быть авторами былинной поэзии, что эпические песни, княжеские и дружинные, доходившие «до низшего слоя народа, до земледельцев, смердов и рабов», могли «только искажаться в этой темной среде, подобно тому как искажаются в олонцеком и архангельском простонародье современные былины, попавшие к нему из среды профессиональных петарей, исполнивших их ранее для более богатого и культурного класса» [Миллер 1924, 28].

Былинное сознание подобно абсолютной идее Гегеля. Оно наполняет собою весь русский мир, перевоплощается в персонажи и события, а сознаёт себя в разуме человека, выдающегося философа, применительно к эпосу – в разуме боговдохновенного народного певца, выразителя коллективного сознания.

Эпос на Русском Севере бытовал потому, что здесь сформировалась русская народность и русская государственность. На юге (на Киевщине) не происходило рождение этноса и госу-

дарственности, творения нового мира и вследствие этого там не возникла героическая поэзия. В. Я. Пропп пишет: «Главным очагом создания и распространения былин считается город Киев. Из Киева эти былины якобы разошлись по всей Руси, вплоть до крайнего Севера, куда их будто бы занесли скomorохи <...> Концепцию эту мы должны признать ошибочной во всех отношениях» [Пропп 2006, 67]. Одним из ярких представителей данной концепции был И. Д. Иловайский, утверждавший, что былины дошли до нас «при посредстве северной обработки и северной передачи. Они окрасились в цвет, который имеет мало общего с древней Киевской Русью» [Иловайский 2015, 221].

В подтверждение справедливости мнения В. Я. Проппа приведём данные, собранные А. А. Кунгуровым: «Исследователь фольклора Алексей Дмитриевич Галахов в «Истории русской словесности» приводит такую статистику: известных (1897) на конец XIX в. былин киевского цикла собрано: в Московской губернии 3, в Нижегородской 6, в Саратовской 10, в Симбирской 22, в Сибири 29, в Архангельской 34, в Олонецкой до 300 – всех вместе около 400. На Украине не найдено следов ни одной былины о Киевской Руси! И почему-то в северном Олонецком крае их собрано аж три сотни. Неужели все древнерусские баяны-сказители сбежали именно в Карелию?» [Кунгуров 2011, 198].

В пользу возникновения русской цивилизации на Севере, на Новгородской земле, свидетельствуют данные археологии. Н. А. Макаров отмечает, что общая картина взаимоотношений русского Севера и Юга «долгое время реконструировалась в рамках «Киевоцентристской» концепции, рассматривавшей Среднее Поднепровье как доминирующий экономический и политический центр Древней Руси, развитие которого определяло в IX–XII вв. общий ход исторической жизни на Русской равнине, в том числе в северных ее областях, составлявших периферию древнерусского государства». Одним из создателей этой концепции был Б. А. Рыбаков, полагавший, что восточнославянская государственность вызревала на юге, в богатой и плодородной лесостепной полосе Среднего Поднепровья. Однако археологическое обоснование моноцентрической системы по мере накопления конкретных материалов оказалось сильно поколеблено. «Археологическое изучение Новгорода и Новгородской земли и исследование социальной организации и политического устройства Новгорода показали, что представление о Новгородском севере как о политической периферии, изначально зависимой от Киева, далеко от действительности» [Макаров 2005, 5]. Большинство современных исследователей рассматривает создание единого «древнерусского государства под властью Олега как результат объединения двух государственных образований с центрами в Приильменьи и Среднем Поднепровье» [Макаров 2005, 6].

Н. А. Макаров считает также не вполне обоснованной колонизационную теорию В. О. Ключевского и др. историков XIX в. По его мнению, сложившиеся в русской историографии вт. пол. XIX в. представления о передвижении в больших масштабах восточных славян с юга на север в XI–XIII вв. как факторе, способствовавшем формированию этнокультурного единства Руси, нуждаются в определенном переосмыслении. «Археологические материалы раскрывают многочисленные факты подвижек населения на север внутри отдельных регионов или через границы сопредельных областей, но не подтверждают картины массового отлива населения из южнорусских земель, нарисованной В. О. Ключевским» [Макаров 2005, 8]. По его мнению, археология пока не в состоянии оценить вклад южан в формирование населения Северо-Восточной Руси из-за характера «восточнославянских древностей XI–XIII вв., точная региональная атрибутика которых зачастую затруднена» [Макаров 2005, 8].

Подвергает сомнению колонизацию Руси славянами А. А. Кунгуров: «Сегодня официально признана доктрина Соловьева и Ключевского о бегстве населения из Юго-Западной Руси в Галицкие земли, и главным образом на северо-восток, в Поволжье (правда, совсем непонятно, зачем бежать туда, где «монголо-татары» лютовали более всего). Именно этим историки объясняют преемственность московской культуры по отношению к киевской» [Кунгуров 2011, 197].

«Русские славяне» свои выдающиеся социальные, политические хозяйственные, интеллектуальные, художественные и пр. способности, явленные в сочинениях русских историков, не-

ожиданным образом обретают на меряно-эрзяно-мещёрских, вепских, корельских и др. финских землях. Если на своей славянской родине они посредственные племена, то здесь – незаурядная народность. Причина этого феноменального «перевоплощения» в том, что на Русь никакие «восточные славяне» не приходили, восточными славянами названы Эрзя, Меря, Мещёра, Весь, Корела, Балты, образовавшие Русь. Этнографические, антропологические, языковые, психологические данные «великоросса» суть собственно русские особенности. Даже воинственные и высокоорганизованные германцы не сумели колонизовать своих соседей, ибо против колонизаторов-завоевателей вставали с оружием в руках те, кого они хотели поработить.

Возникновение русской народности и русского государства на Новгородской земле, охватывавшей в X–XII вв. территорию всей современной центральной России, подтверждается и тем, что именно здесь так называемая Северная Русь являлась и является средоточием русского интеллектуального, художественно-эстетического, научного и государственного гения. 95 % великих русских людей родом из этих мест. Чем дальше мы от Чуди, Мери, Веси, Мещёры, Муромы, Эрзи, «поганой» Мордвы, Мари, Балтов и чем ближе к славянам, тем скуднее Россия на боговдохновенных людей, на таланты.

«Мирную колонизацию», которую имеет в виду В. О. Ключевский, трудно признать уже потому, что русские княжества вели ожесточённые междоусобные войны (за пашни, луга, леса, реки, озёра) вплоть до вт. пол. XVI в., когда закончилось их объединение в централизованное государство. В этих условиях «мирные славянские колонисты», оказавшись между огнём и мечом, были бы уничтожены или превращены в зависимое население.

Чтобы обосновать мнимое пришествие славян на Верхнюю и Среднюю Волгу, к Эрзе, Мере, Мещёре, Муроме, историки XIX в. изображали финно-балтов как социально и культурно отсталые племена. В. О. Ключевский утверждал, что финские племена до встречи с Русью оставались на первоначальной ступени религиозного развития, их мифология до знакомства с христианством не дошла до антропоморфизма [Ключевский 1994, 266–267]. Данная констатация опровергается «Калевалой», «Калевипоэгом», «Масторавой», «Дорвыжы», «Югорно», эрзянской мифологией, в которой есть мифы о сотворении мира и человека, о возникновении богов; эрзянский и мокшанский пантеон включает в себя высшие и низшие, небесные и земные божества, обладающие человекообразным обликом, ведущие жизнь, подобную человеческой; в нём есть боги, олицетворяющие силы природы и явления социальной жизни. В мифологии эрзян есть верховный бог Инешкипаз, творец мира, богиня красоты Анге-Патяй, богиня любви Ведява, богиня эрзянской земли и эрзянской страны Масторава, богиня праздников и веселья Комлява, бог кузнечного дела Кшнинь Атя (Железный Старик), бог войны Пурьгинепаз и др. [Шаронов 1994]. По своему художественно-эстетическому уровню она сопоставима с мифологиями Греции, Рима, Шумер, Египта, с мифологией Библии. Её автором мог быть только достаточно развитый народ, имевший отчётливые представления о мире, о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о возвышенном и низменном, о случайности и необходимости, о содержании и форме и пр. философско-эстетических категориях. И именно в таком народе возникла Русь и возвысилась до общемирового уровня. Справедливость данных слов подтверждается былинами и эпopeями «Калевала», «Калевипоэг», «Масторава», «Дорвыжы», «Югорно», являющимися книжными формами героического эпоса. Героические эпосы создают народы с развитой государственной организацией. В них мы видим боговдохновенную поэзию и эстетику, общественную мысль, исполненную светом разума народа.

В. О. Ключевский в силу разных причин, метафизической однобокости и заданности своего мышления, антифинно-балтских настроений XIX в. не смог увидеть то, что лежало прямо на поверхности. Но он же отмечает, что «русский летописец XI в., говоря о волхвах, о поверьях или обычаях, очевидно финских, не делает и намёка на то, что ведёт речь о чужом племени, о чуди: язычество, поганство русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимает племенное происхождение или этнографическое различие языческих верований» [Ключевский 1994, 270]. Здесь знаменитый историк приводит конкретный пример слитности русского и финского миров в противовес своим же взглядам: летописец XI в. не

противопоставляет русских финнам по той причине, что они для него один народ. Различие между Русью и финнами существует лишь в сочинениях историков, исповедующих славянскую идею.

На место происхождения былин указывают их центральные персонажи. Глава русских богатырей, воплощение физического, духовного и эстетического идеала русского человека, Илья Муромец из эрзянско-русского города Мурома, второй по авторитету эпический герой Добрыня Никитич из эрзянско-мещёрского города Рязани, третий по значению богатырь Алёша Попович из меряно-эрзянского города Ростова. Из Галича – Дюк. Добрыня Никитич и Алёша Попович в одной из былин об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике в «Собрании народных песен П. В. Киреевского» являются зятями Соловья-разбойника, который иногда называется «мордовским» богатырем: «У него было два зятя: Алёша Попович и Добрыня Никитич» [Собрание народных песен Киреевского 1977, 43].

С эрзянских рек Сура и Ра (Волга) прибывает в Великий Новгород Садко – поэтичнейшая фигура русского эпоса [Былины 1958, 246].

Имя Садко могло быть производным от эрзянского слова *сядо* (в переводе на русский язык означает *сто*). Производным от *сядо* словом *сятко* (сотник) могли называть глав рыбо-ловецких артелей, промышлявших на Волге. Вполне вероятно, что Садко олицетворяет такого сотника. В эрзянских песнях о богине Ра – Рав-аве или богине воды – Ведь-аве и о рыболове рассказывается именно о молодце, которого за неуплату дани за улов рыбы задерживает вла-дычица воды. По такой же причине Садко забирает к себе Морской царь.

Река Волга просит Садко поклониться от её имени своему брату озеру Ильмену:

А и гой еси, удалой доброй молодец!
 Когда придёшь ты во Новгород,
 А стань ты под башню проезжую,
 Поклонися от меня брату моему,
 А славному озеру Ильмену [Былины 1958, 346].

Просьба Волги поклониться Ильмену указывает на принадлежность Волги и Ильменя к меряно-эрзянско-русскому миру и свидетельствует о существовании тесных связей (экономических, торговых, культурных) между волжанами и ильменцами-новгородцами. В. В. Фомин пишет, что антрополог Ю. В. Марк в эрзянском населении восточных районов Мордовии выделила «*сурский тип*» в бассейне р. Суры, близкий к «*ильменскому типу*» русских в окрестностях Ильменского озера [Фомин 2007, 11]. Эта близость возникла по той причине, что русские на озере Ильмень были по происхождению мерянами-эрзянами. Новгородское вече являлось собственно русским способом решения общественных вопросов. Слово «*вече*» скорее всего производно от эрзянского понятия *велень чи – мирской день*, т.е. такой день, в который проводились общественные собрания и коллективно решались важные для города или села вопросы. Русские былины, полнее всего выражающие русский дух, возникли и исполнялись среди собственно русского (меряно-эрзяно-мещёро-муромского и другого финно-язычного) населения (Новгородская, Архангельская, Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская, Рязанская, Владимиро-Суздальская, Московская, Карельская, Средне-Волжские и пр. русские территории). Именно оно сложило и исполняло былины до вт. пол. XX в. Новгородские русы, захватив Киевское княжество Аскольда и Дира, не смогли его сделать адекватной себе Русью, поэтому, уйдя из Киева в сер. XII в., существенных следов своего пребывания в нём не оставили. Киевское княжество лишилось статуса второго политического центра Руси после ухода Андрея Боголюбского, оно превратилось в рядовое княжество.

Снижение статуса Киева после ухода из него русского князя говорит о том, что он не был колыбелью русской народности и русского государства. Русь в нём состояла из князя, его администрации и дружины, представляла собой военно-политический институт. Население, оставшееся в Поднепровье после ухода Руси из Киева, постепенно видоизменилось. Оно частично

испытало влияние славян, просочившихся на Днепр в IX–XII вв., а также рабов из славян, захватывавшихся русскими в эти столетия.

Отсутствие в Поднепровье былин и других жанров русского фольклора подтверждает мысль о происхождении Руси на Волге, Оке, Волхове, Ильмене озере, Балтийском и Белом морях, на северо-западных и центральных русских землях.

Возникновение былинной поэзии в Северной, Северо-Западной и Центральной Руси указывает на то, что именно здесь образовался древнерусский этнос с художественно-эстетическим и национально-государственным сознанием. Сложение эпических героических песен обусловлено процессами, происходившими на территории Новгородского княжества до и после призвания князей во главе с Рюриком. Именно в этот исторический период формировался осознающий себя Русью народ и его государственность. Выдвижение Киева в качестве эпического города обусловлено его завоеванием Олегом и объявлением «матерью» городов русских, что привлекло к нему народное внимание, и он стал объектом эпической поэтизации и идеализации.

Былины относятся к богатырскому эпосу, в них воспроизводится борьба Руси с иноземным воинством, воспеваются подвиги богатырей, которые наделены мифологической физической и духовной мощью. Их не всегда ясное и загадочное происхождение делает интересными и привлекательными. Прототипами богатырей не являются исторические персонажи, они олицетворяют актуальные идеи своего времени, волновавшие общество на всех его уровнях. Отсюда разнообразие образов, их сложность и противоречивость. Только былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике относительно доступна для восприятия, так как в ней представлены конкретные исторические реалии: город Муром, река Ока, калики перехожие, Чернигов и Киев, разбойники на дорогах, киевский князь. Понятна идея образа Ильи: он выступает как защитник русской земли и её государства. Наделение Ильи функцией защитника Руси и укрепления её государственности делает былинку героической, а Илью – Героем, т.е. мироустроителем. Илья не только умный и могучий воин, но и социальныйдемиург, социально-культурный персонаж. Его превращение в Героя происходит по божественному промыслу. Излечив при помощи калик перехожих от болезни и наделив его могучей физической и духовной силой, Бог завещает ему судьбу собирателя и защитника русской земли. Примерно также происходит превращение в Героя эрзянского эпического царя *Тюштяна*. По указанию *Инешкиназа*, верховного Бога, старейшины семи эрзянских сёл находят его в поле, пашущим землю, и предлагают ему стать *инязором*, царём. *Тюштян* соглашается занять эту должность в том случае, если воткнутая в землю сухая палка превратится в яблоню, а яблоня даст плоды. После того, как это происходит, *Инешкиназ* наделяет *Тюштяна* могучей физической и духовной силой. Аналогия здесь между Ильёй Муромцем и *Тюштяном* несомненная. И объяснение этому в том, что оба Героя принадлежат одному и тому же древнему народу и, вероятно, его эпосу. На основании сказанного можно предположить, что эрзянский *Тюштянский* эпос, как героический, предшествовал русско-мерянскому богатырскому эпосу. Здесь мы также находим доказательство слитности эрзяно-меряно-русского мира. Илья Муромец из эрзянских пределов, из города Мурома отправляется в Киев на службу великому русскому князю потому, что Киев в его представлении был русско-эрзянским городом (Kiijava, Ки-ава).

Рождение былин на Русском Севере и в Поволжье подтверждает мысль В. Г. Белинского о том, что «колыбелью настоящей, коренной Руси были Новгород, Владимир, Рязань, Москва и Тверь» [Белинский 1954, 440]. В развитии русской цивилизации и культуры выдающуюся роль сыграла Биармия, предшественница Руси, к которой восходит и былинная традиция. Былины сложились и активно бытовали на территориях, до Новгорода входивших в Биармию. Без Биармии, может быть, не было бы Новгородской государственности, русской цивилизации в целом. В контексте биармиландской этнической и социально-культурной традиции возможно говорить о скандинаво-финских корнях Руси.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. Статьи и рецензии. 1841–1844. 863 с.
- Былины: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 1. 364 с.
- Горький А. М.* О литературе: литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1953. 868 с.
- Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. 213 с.
- Иловайский И. Д.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Академический проект, 2015. 522 с.
- Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1994. Кн. 1. 572 с.
- Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. Курс русской истории. 430 с.
- Кунгуров А. А.* Киевской Руси не было, или Что скрывают историки. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2011. 416 с.
- Макаров Н. А.* Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII века: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 5–10.
- Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности: В 3 т. М. –Л.: Гос.изд-во, 1924. Т. 3. Былины и исторические песни. 368 с.
- Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. 736 с.
- Пропт В. Я.* Героический эпос. М.: Лабиринт, 2006. 620 с.
- Путилов Б. Н.* Вступительная статья // Былины. Сборник. Л.: Советский писатель, 1986. С. 5–46.
- Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 240–259.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. Т. 1. 327 с.
- Фомин В. В.* Пургасова Русь // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 3–17.
- Чернышевский Н. Г.* Рецензия на «Песни разных народов». Пер. Н. Берга // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 2. С. 291–317.
- Шаронов А. М.* Масторава. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 496 с.
- Шаронова Е. А., Ингл О. П.* «Калевала», «Калевипозг», «Масторава»: эпико-исторический диалог. Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 2017. 148 с.
- Шаронов А. М., Шаронова Е. А.* О некоторых особенностях эрзянского героического эпоса // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 47–60.
- Шаронов А. М., Шаронова Е. А.* Народ Эрзя и три русских племени: Kiijawa, Salawia, Arsaiaja (Ergsaiaja) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2 (5). С. 52–62.
- Щекатов А.* Словарь географический Российского государства, описывающий Алфавитным порядком. М.: Университетск. тип., 1804. Ч. 3. 1238 стб.
- Sharionova E. A. et al.* The mythological plots about the creation of the world and human beings in the erzyan epic, Mastorava // Revista de letras. 2016. Т. 56. № 1. С. 83–102.

Поступила в редакцию 21.02.2019

Шаронов Александр Маркович,

доктор филологических наук, профессор,
ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»
430005, Россия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39а
e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шаронова Елена Александровна,

доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
e-mail: sharon.ov@mail.ru

A. M. Sharonov, E. A. Sharonova

Finno-Ugric Contexts of the Russian Bylina

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-356-367

The relevance of the article is due to the ongoing discussion about the ethnic status of the Russian people and its state, which is expressed, in part, in the existence of two main concepts in Russian historiography - the Norman and anti-Norman ones. The epic, which reproduces the ethnic, historical and state views of an ethnos at the stage of its emergence and formation, was not sufficiently involved in addressing this issue or was considered unilaterally and with a Slavophil or Normanist bias. The article attempts to analyze epic plots, characters and ideas with the involvement of the Finno-Balt and Ugric contexts, for the Finns and the Balts, as evidenced by The Tale of Bygone Years, took part in the vocation for the reign of Rurik, Sineus and Truvor, with which it is customary to designate the beginning of Russian statehood. The geography of epic plots and characters points to the Novgorod principality, the lands of Chudi, Korela, Vesi, Mary, Sloven, Krivichi, - to the Russian North as the place of addition of heroic epic poetry. Heroic poetry is formed in the ethnogenetic core of the nationality, where there are ideological and social processes associated with the formation of its statehood.

Consciousness of the Russian person is still looking for an answer to questions about who he is? From where? What is its purpose? Who are his ancestors? It is noteworthy that the relevance of these issues compared with the XII century, the time of creation of the "Tale of Bygone Years", did not decrease, but increased. Hence the constant presence in the Russian literature of the historical genre, also trying to answer the indicated questions.

In this study, the problem "...where did the Russian Land come from and is..." is examined with the help of epics, which have their own concept of the history of Russia.

Keywords: bylina, epic, heroic epic, plot, Russia, Chud', Ves', Merya, Sloven, Krivichi, Novgorod principality, Belinsky, Hilferding, Miller, Klyuchevsky, Propp, Putilov.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 356–367. In Russian.

REFERENCES

- Belinskii V. G.** *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t.* [Complete Works: In 13 t.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 5. Stat'i i retsenzii. 1841–1844. 863 p. In Russian.
- Byliny: V 2 t.* [Bylina: In 2 t.]. Moscow, GIHL, 1958. T. 1. 364 p. In Russian.
- Gor'kii A. M.** *O literature: literaturno-kriticheskie stat'i* [On literature: literary-critical articles]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1953. 868 p. In Russian.
- Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1975 g.* [The most ancient states on the territory of the USSR. Materials and research. 1975]. Moscow, Nauka, 1976. 213 p. In Russian.
- Ilovaiskii I. D.** *Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu* [Searching the beginning of Russia. Instead of an introduction to Russian history]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2015. 522 p. In Russian.
- Klyuchevskii V. O.** *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektii v trekh knigakh* [Russian history. A full course of lectures in three books]. Moscow, Mysl', 1994. Kn. 1. 572 p. In Russian.
- Klyuchevskii V. O.** *Sochineniya: V 9 t.* [Works: In 9 t.]. Moscow, Mysl', 1987. T. 1. Kurs russkoi istorii. 430 p. In Russian.
- Kungurov A. A.** *Kievskoi Rusi ne bylo, ili Chto skryvayut istoriki* [There was no Kievan Rus, or what do historians hide]. Moscow, EKSMO, Algoritm, 2011. 416 p. In Russian.
- Makarov N. A.** Sever i Yug Drevnei Rusi v X – pervoi polovine XIII veka: factory konsolidatsii i obobleniya [North and South of Ancient Russia in the X - first half of the XIII century: factors of consolidation and isolation]. *Rus' v IX–XIV vekakh: vzaimodeistvie Severa i Yuga* [Russia in the IX–XIV centuries: interaction of the North and the South]. Moscow, Nauka, 2005. Pp. 5–10. In Russian.
- Miller V. F.** *Ocherki russkoi narodnoi slovesnosti: V 3 t.* [Sketches of Russian folk literature: In 3 t.]. Moscow–Leningrad, Gos. izd-vo, 1924. T. 3. Byliny i istoricheskie pesni. 368 p. In Russian.
- Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [The Onezh epics, recorded by A. F. Hilferding in the summer of 1871]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949. T. 1. 736 p.

- Propp V. Ya.** *Geroicheskii epos* [Heroic epic]. Moscow, Labirint, 2006. 620 p. In Russian
- Putilov B. N.** Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. *Byliny. Sbornik* [Bylina. Collection]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1986. Pp. 5–46. In Russian.
- Sedov V. V.** *Smolenskaya zemlya* [Smolensk land]. *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.* [Old Russian principalities X–XIII centuries]. Moscow, Nauka, 1975. Pp. 240–259. In Russian.
- Sobranie narodnykh pesen P. V. Kireevskogo. Zapisi Yazykovykh v Simbirskoi i Orenburgskoi guberniyakh* [Collection of folk songs P. V. Kireyevsky. Records Language in Simbirsk and Orenburg provinces]. Leningrad, Nauka, Leningr.otd-nie, 1977. T. 1. 327 p. In Russian.
- Fomin V. V.** Purgasova Rus' [Purgasova Rus]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2007, no. 9, pp. 3–17. In Russian.
- Chernyshevskii N. G.** Retsenziya na «Pesni raznykh narodov» [Review of the “Songs of different nations”]. Per. N. Berga. *Chernyshevskii N. G. Polnoe sobranie sochinenii: V 15 t.* [Complete Works: In 15 t.]. Moscow, Goslitizdat, 1949. T. 2. Pp. 291–317. In Russian.
- Sharonov A. M.** *Mastorava* [Mastorava]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1994. 496 p. In Erzian.
- Sharonova E. A., Ingl O. P.** “Kalevala”, “Kalevipoehg”, “Mastorava”: ehpiko-istoricheskii dialog [“Kalevala”, “Kalevipoeg”, “Mastorava”: epico-historical dialogue]. Saransk, Izd-vo Mordov.un-ta, 2017. 148 p. In Russian.
- Sharonov A. M., Sharonova E. A.** O nekotorykh osobennostyakh erzyanskogo geroicheskogo eposa [On some features of the Erzya heroic epos]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, 3, vol. 12, issue 3, pp. 47–60. In Russian.
- Sharonov A. M., Sharonova E. A.** Narod Erzya i tri russkikh plemeni: Kiiyawa, Salaviya, Arsaia (Ersaniya) [The people of Erzya and three Russian tribes: Kiiyawa, Salavia, Arsaia (Ersaniya)]. *Istoriiko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the Ural-Volga region], 2018, no. 2 (5), pp. 52–62. In Russian.
- Shchekatov A.** *Slovar' geograficheskii Rossiiskogo gosudarstva, opisyyvayushchii Azbuchnym poryadkom* [Geographical dictionary of the Russian state, describing the alphabetical order]. Moscow, Universitetsk. tip., 1804. Ch. 3. 1238 stb. In Russian.
- Sharonova E. A.** et al. The mythological plots about the creation of the world and human beings in the erzyan epic, Mastorav. *Revista de letras*, 2016, t. 56, no. 1, pp. 83–102. In English.

Received 21.02.2019

Sharonov Alexander Markovich,

Doctor of Science (Philology), Professor,
GCU RM «Scientific center of social and economic monitoring»
39A, ul. Bogdan Khmel'nitsky, Saransk, 430005, Russian Federation
e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sharonova Elena Alexandrovna,

Doctor of Science (Philology), Docent,
FGBOU VO «National researches The Mordovian state
University named after N. P. Ogarev»,
68, ul. Bolshevistskaya, Saransk, 430005, Russian Federation
e-mail: sharon.ov@mail.ru